

ИСТОРИИ ФРОНТА И ТЫЛА

Кормилица

Мой дед Александр и бабушка Надежда Скрипкины жили в Селище в небольшом доме. В семье росли семеро детей: пять дочерей и двое сыновей. Дедушка, сапожник-кустарь, шил в основном мужские сапоги, а также ремонтировал и продавал старую обувь. Бабушка работала приходящей прислугой у господ Мягковых.

Многодетная семья жила бедно. Подросшие дочери стали работать, вышли замуж и жили отдельно. Старшими из детей в семье остались сыновья Иван и Алексей, дочь Александра (моя мама), родилась еще дочь Дуняша, но она умерла в возрасте одного года. Не стало и парней.

Родители любили и баловали Александру. Им очень хотелось, чтобы дочка стала портнихой. Многие годы они копили деньги на покупку швейной машины. Когда Александре исполнилось 15 лет, отец с матерью отдали ее учиться шить к одной из лучших портних Селища. А через два года подарили новую швейную машинку «Зингер».

Эта самая машинка за годы своей жизни совершила несколько путешествий. Первое - в 20-х годах XIX века из Германии в Кострому. Из магазина в Красных рядах машинку привезли в старый дом Скрипкиных в Селище. Она была очень красивой. Станина вылита из чугуна с разными завитками, блестящими от лака. Корпус вставлен в деревянный лакированный столик светлого-коричневого цвета. Закрывалась она деревянным полированным колпаком одного цвета со столом. В старом деревянном доме среди самодельной деревянной мебели машина выглядела каким-то чудом.

Александра с удовольствием начала шить. Сначала рубашку отцу, затем кофточку с юбкой маме, а потом одежду всем родственникам. Постепенно росло и мастерство. Через несколько месяцев она уже брала заказы за оплату. В семье появился достаток.

Энергичной по характеру Александре надоело постоянно сидеть за швейной машинкой. С подружкой они окончили курсы телефонисток и работали на коммутаторе завода. Здесь мама и познакомилась с моим будущим отцом Анатолием Беленоговым - вдовцом с маленькой дочкой Людой. В 1937 году родилась я - вторая дочь Маргарита.

Отец работал и заочно учился в Москве в сельхозакадемии. Затем ему дали направление на Харьковский тракторный завод на должность начальника сборочного цеха. В январе 1939-го наша семья переехала жить в Харьков, с собой взяли минимум вещей. Хотя отец был против, мама настояла, чтобы швейную машинку тоже забрали - везли в деревянном сундуке. Это было ее второе путешествие.

На новом месте мама стала домашней хозяйкой. Времени свободного оставалось немного, но она все равно занялась шитьем. О мастерице узнали соседи, знакомые. Поступали заказы.

Мы слышали много рассказов о людях, прошедших войну. Но еще есть вещи этих людей, которые были рядом с ними и тоже имеют свою историю. Сегодня главный герой рубрики - швейная машинка. Историю, рассказанную «СП» костромичкой Маргаритой Степановой, приводим в сокращении.

Маргарита Степанова за работой на легендарной швейной машинке

кое голодное время только она и мамино умение шить могут нас спасти. Тем более он сам оставался в Сталинграде.

Машинку снова разобрали на части и уложили в тот же сундук. На дно положили теплую одежду, затем станину, на нее снова вещи и обувь, затем головку машинки. По углам отец уложил небольшие мешочки с где-то раздобытой мукой, сверху - несколько кусков хозяйственного мыла и коробок спичек. Все тщательно прикрыл какими-то бумагами. Колпак пришлось выбросить, он не убрался.

Когда началась погрузка, отца с нами не было. Мы пере-

Когда началась война, квалифицированных рабочих, специалистов и документацию на танк Т-34 отправили в Сталинград, считавшийся глубоким тылом. Отец вместе с другими специалистами должен был срочно наладить серийное производство танка.

живали и даже не знали, жив ли он, разрешат ли погрузить нашу кормилицу на пароход. До отплытия оставались минуты, когда появился отец с двумя солдатами, тащившими сундук. Перед входом на трап их остановил офицер. На пароход не пускали. Тогда мама со слезами на глазах упала на колени. Сундук отперли, проверили содержимое. Офицер молчал. Погрузка заканчивалась, прозвучал последний предупредительный гудок. Наконец офицер махнул рукой.

Впереди нас плыли тральщики военной флотилии, чтобы вылавливать мины. Во-

Эта самая машинка за годы своей жизни совершила несколько путешествий. Первое - в 20-х годах XIX века из Германии в Кострому. Из магазина в Красных рядах машинку привезли в старый дом Скрипкиных в Селище.

круг - полная темнота от дыма, так как горел мазут на воде из разбитых барж-нефтянок и от горевших тут и там больших и маленьких пароходов, катеров и лодок. Каюты были покрыты копотью, люди кашляли и задыхались.

Двигались пароходы очень медленно, дожидаясь сигнала от тральщиков. Из-за тесноты спали сидя на лавках или на полу, не хватало еды и питья. Сверху пытались бомбить немцы, но не видели нас из-за стоявшего дыма. Несколько дней, что мы плыли до Саратова, где нам предстояло сойти на берег, я сидела или лежала на сундуке, тело болело, но другого места не было.

В Саратове нашу семью направили на пароход, плывший в сторону Костромы и Ярославля. Мама долго уговаривала солдат вынести машинку, довести до пристани и внести на пароход. У входа на трап сундук так же проверяли, но на этот раз без задержки разрешили внести. И машинка-путешественница поплыла вместе с нами по Волге в Кострому.

2 сентября 1942 года мы прибыли к речной пристани. Матросы с парохода вынесли сундук. Мы не знали, что делать дальше, - нужно было как-то переправиться на другой берег и добраться до Селища. Помог мужчина, который вел под уздцы лошадь с телегой. Он согласился довести нас за плату: кусок хозяйственного мыла и два коробка спичек. Так совершилось четвертое путешествие швейной машинки.

Мама сразу стала брать заказы. Но чаще ей приходилось перешивать старую одежду. Если у кого-то отец или брат погибли на фронте, приносили что-нибудь из вещей, чтобы перешить на сына. Работа трудная и пыльная: сначала нужно распороть, почистить, отпарить одежду, а уже потом только кроить и шить. Денег

стекла покрывались льдом. За зиму ушел из дрова бревенчатый двор. Весной у кого-то купили семена картошки и других овощей, посадили огород. Зимой пережили легче, чем предыдущую. У нас были дрова, запасы картошки, соленых овощей. Да и настроение поменялось, знали, что наша армия наступает.

Летом 1944 года мама стала ходить шить одежду в ближние села, там хорошо оплачивали ее работу и кормили досыта. В одной из деревень мы поселились в доме, где была швейная машинка. Мама вставала вместе с хозяйкой в четыре часа утра, садилась работать и шла до позднего вечера. У нее болела спина, уставали ноги, глаза. Нагрузка тяжелая, но мама знала, что утром мне дадут кружку парного молока с горячей лепешкой, а днем накормят досыта.

После войны у мамы появилось много заказов. Людям захотелось лучше одеться. Стали возвращаться военные, они привозили ткани, которых женщины раньше не видели. И мама шила красивые платья, костюмы и пальто.

Наш отец жил уже в Алтайском крае. Его и тех, кто остался в живых, перевели туда из Сталинграда, чтобы наладить выпуск танков Т-34. Он приехал к нам в отпуск лишь в январе 1946-го. Радость была недолгой. Папа объявил, что у него есть другая семья, забрал дочь Людмилу, а мы остались вдвоем.

Маме очень хотелось научить меня своему мастерству, но у меня не было ни желаний, ни способностей. Я стала шить, будучи уже замужем. В 1971 году нашей семье дали квартиру в новом доме на пятом этаже. И снова наша машинка поехала с нами в небольшое, пятое путешествие. Сундука уже не было, его сожгли вместо дров. Машинку разобрали по частям и тут обнаружили, что древесный жучок источил стол и колпак. Пришлось все это выбросить. Сделали новый стол из четырехслойной фанеры, собрали машинку, накрыли другим колпаком и поставили у окна в маминной комнате.

К швейной машинке в нашей семье всегда относились с любовью, которую привила нам с детства мама. Иногда она даже разговаривала с машинкой, вспоминала бомбежки в Сталинграде, благодарила ее за помощь, особенно в тяжелые годы. Когда мама перестала шить, ей казалось, что машинка смотрит на нее с укором.

Мама умерла 24 года назад, мне исполнилось в этом году 82 года. Здоровье и зрение уже не позволяют шить. Иногда пытаюсь что-то прострочить, но она меня не слушается. Кажется, что машинка все еще ждет маминных умелых и ласковых рук.

Сейчас нашей кормилице предстоит последнее путешествие. Она снова отправится в Селище, где на ней начинала шить моя мама Александра Скрипкина (Беленогова) в 1926 году. Машинка будет экспонатом Александро-Антониновского музея.

Маргарита СТЕПАНОВА

«Северная правда»